

<p>Fidel is a Spanish Jesuit who has just arrived in China with high hopes of converting a town left at his charge. And, well, the very attractive man dressed in red is surely a great person to start with!</p> <p>...</p> <p>“This is... What you worship.”</p> <p>“I worship him.” Hua Cheng confirmed, simple and real. His eyes did not leave the statue and stared with waves of true emotion. Fidel felt righteous anger boil inside of him. How could a man as holy as Hua Cheng kiss the hand of a false god instead of the One True God’s? He willed himself to calm. It was not Hua Cheng’s fault. He had not been guided. He was missing a teacher, and well, this was why Fidel was here, was he not?</p>	<p>Фидель — испанский иезуит, только что прибывший в Китай с большими надеждами обратить отданным ему город в истинную веру. Что ж, почему бы не начать с привлекательного юноши, одетого в красное!</p> <p>---</p> <p>— Это то... чему ты поклоняешься?</p> <p>— Я поклоняюсь ему, — подтвердил Хуа Чэн, просто и искренне. Он не отводил глаз от статуи, и взгляд его пылал пламенем истинного чувства. Фидель почувствовал, как внутри него закипает праведный гнев. Как мог такой святой человек, как Хуа Чэн, целовать руку ложного бога вместо руки единого истинного Бога?</p> <p>Он заставил себя успокоиться. Хуа Чэн не виноват. Некому было его наставить. У него не было учителя, и что ж, именно для этого Фидель здесь, разве нет?</p>
<p>Douay-Rheims Bible:</p> <p>Stay me up with flowers, compass me about with apples: because I languish with love.</p> <p>Look, I have deep knowledge of the Bible, if you think I will not use it to write about loves as pure as hualian, you're dead wrong. All my catechism trivia better be useful for something, right?</p> <p>Enjoy!!!!</p>	<p>Подкрепи меня цветами, обложи меня яблоками, ведь я изнемогаю от любви [2:5]</p> <p>Дело в том, что я хорошо знаю Библию, и если вы думаете, что я не воспользуюсь этими знаниями, чтобы написать о чистейшей любви хуаляней, то вы глубоко заблуждаетесь. Я же для чего-то изучала катехизис, так?</p>

	<p>Приятного чтения!</p> <p>Примечание переводчика: «Песнь песней» цитируется в переводах Я. Лаха и А. Эфроса. Стих 2:5, давший название работе, переведён с английского, так как в имеющихся переводах на русский цветы в этом месте, увы, не упоминаются.</p>
<p>Vade retro Satana: "Go back, Satan" or "Step back, Satan", or "Back off, Satan" is a Medieval Catholic formula for exorcisms.</p> <p>I, of course, do not agree with the opinions expressed in this fic, this is a work of fiction, thanksss</p> <p>Hit me up in Twitter @AnielkaEla! I really love talking to people! Thank you for reading!!</p>	<p>Примечания в конце</p> <p>Vade retro Satana: «Иди прочь, Сатана» или «Изыди, Сатана» — средневековая католическая формула для экзорцизма. Разумеется, мнение автора может не совпадать с мнением героев, это фик, спасибо.</p> <p>В твиттере я @AnielkaEla! Я всегда буду рада поболтать!
Спасибо, что прочли.</p>

<p>Even if China was like a monster threatening to swallow him whole, Fidel was excited. His work as a missionary was of utmost importance! These poor, unfortunate souls with no shepherd to shepherd them, they had to be brought home and to the light of God! There was not one minute to spare!</p>	<p>Окажись Китай подобен чудовищу, грозящему пожрать его целиком, это не уменьшило бы воодушевления Фиделя. Его миссия была делом чрезвычайной важности! Не было этим заблудшим душам пастыря, что указал бы им путь к дому и свету Господню. Нельзя было терять ни минуты!</p>
--	---

Some of Fidel's brothers had already gone ahead, but he didn't feel discouraged, not at all. He would have the opportunity to do his part for the Lord, he had no doubt. Oh, when they told him he would be in charge of evangelizing a tiny town on his own, what a joy! The amount of trust laid in him by his elders was amazing. He could only hope he was deserving of it!	Были братья, которые уже превзошли его, но Фидель не унывал, вовсе нет. Он тоже рано или поздно внесёт свой вклад в служение Господу. О, когда ему сказали, что он будет единолично отвечать за обращение городка, как он возрадовался! Как же ему доверяли наставники! Он мог только надеяться, что заслуживает этого доверия.
The trip of almost a month and a half felt much shorter thanks to the unbridled emotion in the missionary's soul. Fidel truly felt blessed by the Lord God! China was a beautiful country! With its kind people, and its breathtaking sceneries. He was a little concerned about the "gods" they worshipped, but they would be fine. Thanks to the work of him and his brothers, all these souls would be saved, no matter their sin. Ah, the Lord was truly merciful, to welcome all these people to His church!	Почти полтора месяца пути пролетели незаметно из-за обуревавших его душу чувств. Фидель чувствовал на себе благословение божье. Воистину прекрасная страна! Какие же добрые люди вокруг, виды, от которых захватывало дух. Немного беспокоили «боги», которым здесь поклонялись, но ничего. Благодаря труду его и братьев, эти души спасутся, сколь не были велики их грехи и прегрешения. Господь милосерден, он примет их всех этих людей в лоно Своей церкви!
He was enchanted by the little town that was now his mission; the tiny houses with their funny curved ceilings, and the faint smell of incense in the air, mixed with the fresh scent of watered earth. How charming was this little town! He adored everything his eyes looked.	Городок, ставший его миссией, покори́л его. О, эти крошечные домики с забавными резными потолками. Здесь легкий аромат благовоний мешался со свежим запахом влажной почвы. Очаровательнейший городок! Фиделю приходилось по нраву всё, на что падал взгляд.
Even the man in red.	Даже этот юноша в алом.
Well, especially the man in red.	Пожалуй, особенно юноша в алом.
He was... Really something.	В нём... что-то было.
Fidel was yet to talk to him, but he could see.	Фидель видел это, хоть еще не беседовал с ним. И, Господи, он в самом деле видел.

And, by God, did he see.	
The man was on the attractive side and had Fidel been a woman, he would have fawned over him the way the Chinese ladies did, no doubt. The lack of an eye or the insistent cover of his eye-patch did little to hide his handsome face or his charming smirk.	Юноша был привлекателен, и, будь Фидель женщиной, он бы непременно вертелся перед ним так же, как все эти китаянки. Отсутствие глаза или неизменная повязка на глазу не портили красоту лица и очаровательную ухмылку.
His whole attire was red, every day with no change. His long hair, usually a sign of savagery Fidel hated, flew with the wind when the man was outside. He made Fidel think of the blood of Christ, precious even with its violent beginnings.	Каждый день без исключений он одевался в алое. Длинные волосы - знак варварства, которое Фидель обычно презирал, - развевались по ветру, стоило юноше выйти на улицу. Он наводил Фиделя на мысли о крови Христовой, драгоценной даже в своем жестоком начале.
The man was outside a lot, truth be told. He went around helping farming families with the rice picking, or with the moving of animals. He was truly a servant of the people, always a hand ready. Oh, how Fidel wished to hold the man, close like a brother and praise him, like he did his brothers in Christ. This need would have certainly been wrongly received, and yet Fidel could barely hold himself back when he finally got close enough.	По правде говоря, юноша много времени проводил на улице. Он помогал семьям крестьян собирать рис или пасти скот. Он был истинным слугой ближним, всегда готовым помочь. Как Фиделю хотелось бы обнять этого человека, прижать к себе как брата и восхвалять его, как он восхвалял своих братьев во Христе. Это его желание скорее всего поняли бы превратно, и все же Фидель едва смог удержать себя, когда ему наконец-то удалось оказаться рядом.
The man in red had been missing for most of the morning, a rare occurrence. He returned hours late into the day, the sun high already, all while carrying a basket filled with white flowers.	Юноши в алом не было видно почти всё утро, редкий случай. Он вернулся позже, когда солнце уже стояло высоко в небе, и с собой нёс корзину, полную белых цветов.
The basket was big enough to put to shame the offerings to Virgin Mary in May, Fidel shivered. Where was he taking them? He surely was bringing them to someone who could not see them, that was the type of man he was.	Эта корзина своими размерами могла посрамить майские дары Богородице. Куда он их нёс? Без сомнения, к тому, кто не мог набрать их сам, ведь так он обычно и поступал.

“Kind young master,” Fidel called in a broken Chinese. “You truly are so good!”	— Добрый молодой господин, — обратился к нему Фидель на ломаном китайском. — Воистину, ты исполнен милосердия.
The man stopped in his tracks and looked over at Fidel, eyebrows raised. Oh, how Fidel’s skin tingled under that look! Truly, this was a sign of God that this man had to be brought over to His House.	Юноша остановился и посмотрел на Фиделя, подняв брови. О, от этого взгляда по спине побежали мурашки! Воистину, вот знамение, что этого человека нужно привести в Дом Господень.
“Young master,” he continued. “Please forgive my forwardness, I know not your name.”	— Молодой господин, — продолжил он, — прости мою прямоту, я не знаю твоего имени.
The man smirked and Fidel felt the breath leave him.	Юноша усмехнулся, и дыхание Фиделя перехватило.
“Hua Cheng.”	— Хуа Чэн.
“Hua Cheng,” he repeated, softly trying out the foreign language, struggling to remember the translation of those words separately. ‘City of Flowers’, by God, what a beautiful name for such a beautiful man.	— Хуа Чэн, — тихо повторил он, примеряясь к чужому языку и вспоминая значение каждого слова. “Город цветов”, Господи, какое красивое имя у этого красивого человека.
And he was right here, right now! A gift from God himself. “I am Brother Fidel.” He shared back. “I am a-“	И он был с ним здесь, сейчас! Дар самого Господа! — Меня зовут брат Фидель, — представился он в ответ. — Я...
“Jesuit, I know. You come to share your book and beliefs from across the sea.” Hua Cheng rearranged his basket carefully.	— Иезуит, знаю. Пришёл из-за моря распространять свои книги и убеждения. Хуа Чэн аккуратно переставил корзину.
“I do, but, oh! You must be getting tired from carrying, may I accompany you to where you’re taking these?” He pointed at the flowers. He didn’t want to lose sight of Hua Cheng now that he was getting to know him!	— Да, но, о, должно быть, ты устал нести корзину. Позволь мне сопроводить тебя, куда бы ты не нёс их. — Он указал на цветы. Он не хотел терять Хуа Чэна из виду теперь, когда только начал узнавать его получше!
“You may do as you wish,” Hua Cheng resumed his walking, allowing Fidel to go with him. He led them to one of the littlest houses, on the	— Делай как знаешь. — Хуа Чэн продолжил свой путь, позволив Фиделю идти с ним. Он повел их к одному из самых маленьких

farthest side. It was a humble home, Fidel realized as he walked inside.	домиков в самой отдалённой части города. И войдя, Фидель понял, что внутри всё обставлено очень скромно.
A single mat on the floor, much like his own. A little stove, little baskets all around.	Циновка на полу, такая же, как его собственная. Небольшой очаг, корзинки повсюду.
All small and lacking, not at all what a man like Hua Cheng looked like.	Всё маленькое и скудное, совсем не подходящее такому человеку, каким казался Хуа Чэн.
Not to say Hua Cheng looked like a wastrel heathen, of course not! But Fidel had a good eye when it came to clothes, and Hua Cheng's were certainly of the finest quality. As was the silver around his neck and wrists, when he was dressed up. He was not a man that lacked resources and yet he lived like this? Like a monk?	Нет, Хуа Чэн не походил на не знающего меры язычника, конечно же нет! Но у Фиделя был наметанный глаз в том, что казалось одежды, и одежда Хуа Чэна, безусловно, была самого лучшего качества. Как и серебро на шее и запястьях. Он не испытывал нужды, и все же жил вот так? Как монах?
"You... live here?"	— Ты... Живёшь здесь?
"I do." He simply said, walking over to another space in the house. It was a... Shrine.	— Да, — просто ответил тот, проходя к другой комнате. И там было... святилище.
A beautiful one, aesthetically speaking. Fidel was revolted at the sight of pagan adoration, but the picture it made, was truly one to remember; this was where Hua Cheng's money ended, clearly. Sticks of incense erupted from wherever they could. Food offerings littered the table, all fresh fruits, and soft bread, sweet-smelling tea served in fine teacups that shone with the bright midday sun. In the center of it all, a statue stood proudly.	Красивое, если судить с эстетической точки зрения. Всё в Фиделе восставало против вида языческого идолопоклонства, но картина была действительно запоминающейся; очевидно, сюда и уходили все деньги Хуа Чэна. Повсюду тлели палочки благовоний. Алтарь был усыпан пожертвованиями: свежими фруктами, мягким хлебом, сладко пахнущим чаем, разлитым в прекрасные чашки, блестящие в лучах яркого полуденного солнца. В центре же гордо возвышалась статуя.
As Fidel looked, Hua Cheng busied himself with setting the flowers all around. The sight was worthy of a king, and yet Hua Cheng seemed not done. He had taken the biggest, most beautiful flower and was placing it	Пока Фидель осматривался, Хуа Чэн расставлял цветы. Зрелище было достойно королей, а Хуа Чэн, похоже, ещё не закончил. Он взял самый большой, самый красивый цветок и

in the icon's hand.	вложил его в руку изваяния.
"What is that?" He could not stop himself.	— Что это? — вырвалось у Фиделя.
"This is His Highness, The Crown Prince of Xian Le." Hua Chen said, reverently. Fidel watched with horror as Hua Cheng kissed the statue's palm before setting the flower. "My god."	— Это Его Высочество, наследный принц Сяньлэ, — с благоговением сказал Хуа Чэн. С ужасом Фидель смотрел, как Хуа Чэн целует руку статуе и затем вкладывает в неё цветок. — Мой бог.
It was a beautiful statue, clean like no other was and masterfully done. Fidel couldn't see a single nick in the stone and yet the details were unbelievable. It looked less like pale stone and more like a real man, had it not been for the lack of color on its cheeks.	Это была прекрасная статуя, чистая и прекрасно выточенная. Фидель не мог найти в камне ни единого изъяна, и это при том, что проработка деталей была бесподобна. Если бы не бледность щёк, скульптура больше походила бы не на камень, а на живого человека.
"This is... What you worship."	— Это то... чему ты поклоняешься?
"I worship him." Hua Cheng confirmed, simple and real. His eyes did not leave the statue and stared with waves of true emotion. Fidel felt righteous anger boil inside of him. How could a man as holy as Hua Cheng kiss the hand of a false god instead of the One True God's?	— Я поклоняюсь ему, — подтвердил Хуа Чэн, просто и искренне. Он не отводил глаз от статуи, и взгляд его пылал пламенем истинного чувства. Фидель ощутил, как внутри закипает праведный гнев. Как мог такой святой человек, как Хуа Чэн, целовать руку ложного бога вместо руки единого истинного Бога?
He willed himself to calm. It was not Hua Cheng's fault. He had not been guided. He was missing a teacher, and well, this was why Fidel was here, was he not?	Он заставил себя успокоиться. Это не вина Хуа Чэна. Некому было его наставить. У него не было учителя, и что ж, именно для этого Фидель здесь, разве нет?
"And does this Prince have a book?"	— А у принца есть Книга?
"A book of writings? No." Hua Cheng smirked. "He'd not like it. Though I know yours does."	— Писание? Нет, — фыркнул Хуа Чэн. — Ему бы не понравилось. Хотя я знаю, что у твоего есть.

“The Holy Bible, yes.” Fidel pulled it out of his clothes, grateful for the never-ending pockets it had. He offered it over to Hua Cheng, forcing him to look away from the fake god. “Can you read?”	— Святая Библия, да, — Фидель вытащил её, как никогда довольный своими бездонными карманами. Он протянул её Хуа Чэну, вынуждая того отвести взгляд от ложного бога. — Ты умеешь читать?
“I can read, yes.”	— Да.
“Then perhaps you’d like to have this one copy?” Hua Cheng eyed it carefully, then shrugged.	— Тогда позволь одолжить тебе. Хуа Чэн внимательно посмотрел на неё и пожал плечами.
“Sure, I could use some light reading for tonight.”	— Почему бы и нет, не откажусь от лёгкого чтения перед сном.
Fidel smiled sweetly. What a naïve and charming man. The Bible, light reading, ha! At least he didn’t seem offended by the offer.	Фидель ласково улыбнулся. Какой наивный и очаровательный юноша. Библия ему — лёгкое чтение, ха! По крайней мере, его, похоже, не задело предложение.
As Fidel walked away from the house, he could not help to shoot one last look at the statue of that Crown Prince, whoever he was.	Уходя из дома, Фидель не мог не бросить последний взгляд на статую этого наследного принца, кем бы тот ни был.
‘You’ll see,’ he thought towards it, which was a sin for which he’d repent later on. ‘I’ll take him away from you and save him.’	“Вот увидишь, — мысленно обратился он к ней — грех, в котором он после покается, — я заберу его у тебя и спасу”.
The statue kept its serene look, softly lit by candlelight.	Статуя безмятежно смотрела на него, стоя в мягком свете свечей.
...	<center>***</center>
In the morning, Fidel found Hua Cheng sitting at the feet of the shrine.	Утром Фидель нашёл Хуа Чэна у подножия алтаря.
In the early light, his clothes looked more a color pink than red. He had	В свете зари его одежды казались скорее розовыми, чем

the Bible open in his lap, and he seemed to be reading out loud as he played with his own hair. No, not played, braided; he was doing a tiny braid from under his ear, finishing it up with a red bead.	красными. На коленях у него лежала раскрытая Библия, и он читал вслух, поигрывая прядью волос. Нет, не поигрывая: он заплетал тонкую косичку с красной бусиной на конце.
Fidel hid away behind a tree, waiting to see what Hua Cheng, precious City of Flowers, was doing.	Фидель спрятался за деревом, чтобы посмотреть, что будет делать Хуа Чэн, драгоценный Город Цветов.
“Here, you’ll like this,” Hua Cheng said. He cleared his throat and began reading. “How beautiful you are, my love, how beautiful you are! Your eyes are those of a dove, except for what’s hidden within.” He purred the last line; how sinful it sounded! “Your hair is a flock of goats, which ascend along to the mountains of Gilead. Your lips are a scarlet ribbon, and your eloquence is sweetness. Like a piece of pomegranate, so are your cheeks, except for what’s hidden within.”4:5	— Вот, тебе понравится, — сказал он. Он прочистил горло и начал читать. — Ты хороша, подруга моя, ты хороша, глаза твои — два голубка из-под кудрей, — он промурлыкал последнюю строку, и как грешно она зазвучала! — Волосы — козье стадо, что скатилось с высот Гилада. Алою лентой губы, и мила твоя речь, половинкой граната щека из-под кудрей.
There again with hidden things! What could be inside a mouth? It was just teeth and saliva, disgusting. There was nothing in a mouth but warm flesh and slick sounds, a flickering tongue, wetness, and...	Снова это «из-под кудрей»! И что манящего в этих кудрях и губах? Рот — это лишь рот, зубы и слюна, отвратительно. И во рту ничего, лишь тёплая плоть, и влажные звуки, и движение языка, и влага...
Fidel shook his head. Now was not the time to fall to sinful thoughts!	Фидель покачал головой. Не время предаваться греховным мыслям!
Hua Cheng kept going.	Хуа Чэн читал дальше.
“You are totally beautiful, my love, and there is no blemish in you. Your lips, my spouse, are dripping honeycomb; honey and milk are under your tongue.” He flipped through a couple of pages before resuming. “I bind you by oath, O daughters of Jerusalem, if you find my beloved, tell him I am faint with love.” He threw his head back and stared at the statue upside down. “Who is this that appears at dawn, fair as the	— Ты всем хороша, подруга моя, и нету в тебе изъяна. Губы твои медвяны, невеста, мёд-молоко под языком, — он пролистал несколько страниц и продолжил: — Заклинаю вас, девушки Иерусалима, если милого вы найдете, расскажите ему, что я любовью больна. — Он запрокинул голову и посмотрел на статую снизу вверх. — Не она ли зарделась

moon, bright as the sun, majestic as the stars in procession? Such is my beloved,” Hua Cheng sighed. “And he is my friend, O daughters of Jerusalem.” [6:10]	зарей, светит луной, солнцем сияет, звездами блещет? Сладостны губы, и весь он мил — вот мой любимый, вот мой дружок, девушки Иерусалима!
“My love you are beautiful: sweet and graceful, like Jerusalem; terrible, like an army in battle array. Take me away with you— let us hurry! Let the prince bring me into his chambers. We rejoice and delight in you; we will praise your love more than wine. How right we are to adore you!” [6:4], [1:4 – эфрос!]	— Ты хороша, как Тирца, подруга моя, как Иерусалим прекрасна, величава, как звезды в небе. Позови, побежим за тобою — в покои я царские приведена — Влеки ты меня! За тобой побежим мы! Он привел меня, <i>принц</i> , в покои свои. О тебе возликуем и возрадуемся мы! Вспомним ласки твои, что лучше вина! Истинно, любят тебя.
Fidel clenched his jaw. Hua Cheng was changing the verses for them to fit his “prince”, how terrible! He had to stop him!	Фидель стиснул зубы. Хуа Чэн менял стихи, чтобы они подходили его “принцу”, ужасно! Надо было его остановить!
He took a big breath and came out of his hiding place; he’d have to have a serious talk with the man.	Он глубоко вздохнул и вышел из укрытия; настало время серьезного разговора.
“Good morning, Hua Cheng.” He put his hands behind and smiled his most charming smile.	— Доброе утро, Хуа Чэн, — он сложил руки за спиной и улыбнулся самой очаровательной улыбкой.
“Brother Fidel.” Hua Cheng greeted back. “I did not know your book had erotic poetry. I would have read it long ago if I had.”	— Брат Фидель, — поприветствовал его Хуа Чэн в ответ. — Я не знал, что в твоей книге есть эротическая поэзия, а то бы прочёл раньше.
“Erotic... what?”	— Эротическая... что?
“The Song of Songs.” Hua Cheng closed the book and waved it.	— Песнь песней, — Хуа Чэн захлопнул книгу и помахал ей.
“Oh? But-” Fidel prayed for Hua Cheng not to begin reading again. Listening had been hard enough.	— О? Но... — Фидель взмолился, чтобы Хуа Чэн не начал читать снова. Хватило и одного раза.
Hua Cheng laughed.	Хуа Чэн засмеялся.
“You priests.... Always so innocent. Even my god,” there again with the	— Ваши священники... Всегда такие невинные. Даже мой бог,

sacrilege. “Heard the verses and laughed. It is a very enjoyable book.” He offered the closed book back at Fidel, who took it instinctively. “Although it is strange, the number of contradictions it has.”	— и снова святотатство, — слушал эти стихи и смеялся. Очень приятная книжка. — Он протянул закрытую книгу Фиделю, который принял её, не задумываясь. — Хоть и странно, что в ней столько противоречий.
“Contradictions?”	— Противоречий?
“More than once, your God speaks of being all-merciful, and yet he orders his followers to prepare their sons for the slaughter. It also keeps changing the blame of wars; for the same war, it seems it’s God who raises the spirits, and in another verse, it is Satan’s fault. Numbers change all the time and in exaggerate ways. Punishments are big and then small, and God’s fury is both eternal and inexistent.”	— Ваш Бог снова и снова говорит, что он всемилостив, и все же приказывает своим последователям готовить сыновей к закланию. Ещё он постоянно меняет виноватого в войнах: в одной и той же войне кажется, что это Бог поднимает дух воинам, но в другом стихе это уже вина Сатаны. Числа всё время меняются, становятся всё больше. Наказания то большие, то маленькие, а гнев Божий одновременно и безграничен, и ничтожен.
Fidel blinked slowly.	Фидель медленно моргнул.
“You read it all.” He could barely understand the amount of information being given. Not only had Hua Cheng read all of the Bible, which should take, at least a full week, but he also made a deep analysis and found mistakes. This man was truly blessed! Fidel had to make him join the Church.	— Ты всё прочёл. Он едва мог осознать весь объём информации. Хуа Чэн не только прочёл всю Библию, что уже должно было занять не меньше недели, так ещё и проанализировал её, и нашёл ошибки. Воистину, он был щедро одарён небесами! Фидель должен был заставить его присоединиться к Церкви.
With a man like that in their ranks, they would bring the true religion to every corner in the world.	С таким человеком в своих рядах они понесут свет истинной веры в каждый уголок мира.
“It was a boring night and it is a violent book.” Hua Cheng shrugged. “I am afraid I bore His Highness with my reading. He is into lighter things.”	— Ночью мне было скучно, а в этой книге много жестокости, — пожал плечами Хуа Чэн. — Боюсь, я наскучил Его Высочеству своим чтением. Он предпочитает вещи полегче.

“You read out loud to the statue?”	— Ты читал статуе?
“He enjoyed the very beginnings of King David’s story. Is there more of it?”	— Ему понравилось начало истории царя Давида. Ещё есть?
“No... Not that I know of.” How was Hua Cheng so nonchalant about this all? This was sin! “And of the story of Jesus? Did you read that too?” Everyone liked Jesus. Jesus was the best, Hua Cheng couldn’t not like the Son of Man!	— Нет... Насколько я знаю. — Как Хуа Чэн мог относиться к этому с такой небрежностью? Это же грех! — А как же история Иисуса? Её ты тоже прочитал? Всем нравился Иисус. Он лучший, Хуа Чэн не мог не полюбить Сына Человеческого.
Yet, Hua Cheng’s expression darkened.	И всё же лицо Хуа Чэна помрачнело.
“I do not enjoy stories where people attack their saviors. He shouldn’t have died.”	— Мне не нравятся истории о том, как люди набрасываются на своих спасителей. Он не должен был умирать.
“He died for His people.” Fidel was thankful for the change of subject. “It was for Love!”	— Он умер за людей Его, — Фидель рад был сменить тему. — Это было ради Любви.
“Love? What kind of love is that? They were promised and given, and they killed him.”	— Любви? И что это за любовь такая? Им было обещано и дадено, а они убили его.
“They were only human.” Fidel leaned in to pat Hua Cheng on his arm, but this one recoiled.	— Они всего лишь люди, — Фидель хотел погладить Хуа Чэна по руке, но тот отшатнулся.
“As was I.” He quickly rose and walked away leaving Fidel stunned.	— Я тоже был человеком. Он быстро поднялся на ноги и ушёл, оставляя Фиделя оглушённым.
“...was?”	— ...был?

.....	<center>***</center>
Fidel stood there in the empty shrine as reality set.	Фидель приходил в себя в опустевшем святилище.
He didn't even get to talk to Hua Cheng about truly important things! They were sidetracked by Hua Cheng's brilliant mind, which only served a fake icon that would drag him to Hell.	Ему даже не удалось поговорить с Хуа Чэном о по-настоящему важных вещах! Его отвлек этот блестящий разум, служивший лишь идолу фальшивого божества, влекущего его в Ад.
Fidel turned to look at the statue with barely hidden hate. How dare this pagan figure keep its claws in a pure, hard-working heart like Hua Cheng's? He deserved better! He deserved Heaven!	Фидель развернулся к статуе с едва скрываемой ненавистью. Как смело это языческое изваяние держать в своих когтях такое чистое, трудолюбивое сердце, как у Хуа Чэна? Тот заслуживал лучшего! Заслуживал Рая.
But Fidel knew, oh he knew, as long as this human invention was around, Hua Cheng would not be free.	Но Фидель знал, о, он знал, что пока это творение рук людских будет поблизости, Хуа Чэн не сможет освободиться.
The decision came as easy a Jesus Christ's own at the temple: he'd have to tear it down. All of it.	Решение пришло так же легко, как к Иисусу Христу в храме: он должен сокрушить его. До основания.
Leave no evidence of the dark power the pagan god had so that Hua Cheng could be guided into the light of God and all that was good.	Не оставить ни следа тёмной силы языческого божества, чтобы Хуа Чэна можно было привести к свету Господню, и будет это хорошо.
Fidel's hands shook but he knew what he had to do. His fingers curled into the altar cloth and he pulled, bringing down food and water, incense, candles, golden coins, and flowers.	Руки Фиделя подрагивали, но он знал, что должен сделать. Пальцы сжались на покрове алтаря. Он рванул ткань на себя, сшибая еду и воду, благовония, свечи, золотые монеты и цветы.
So many flowers! They rained down as Fidel pushed and pulled, and dragged away, as he forced his way through the place the statue tumbled precariously. It seemed to mock Fidel even now, with its eyes	Столько цветов! Они осыпались дождём, а Фидель срывал и срывал их, и отбрасывал в стороны, прокладывая себе путь к шатающейся статуе. Кажется, даже сейчас она насмеялась

still sweetly looking into the horror around them. The wine had splashed at his feet and the flower from his hand had fallen away. All the flowers' petals were broken and squashed, and they painted the old wooden floor.	над ним, с нежностью глядя на ужас вокруг. Вино расплескалось у её ног, а цветок выпал из рук. Старый деревянный пол устилали изодранные и раздавленные лепестки.
"Vade retro, Satana," Fidel snarled at the statue as he pulled it down. It seemed to go in slow motion, as it crashed into the floor and broke into a thousand pieces.	— Vade retro, Satana, — прорычал Фидель статуе и толкнул её. Казалось, время застыло в миг, когда она рухнула на пол и разлетелась на тысячи осколков.
Fidel stood there, catching his breath from his outburst for a moment, taking in the wreckage he'd made.	Фидель остановился, переводя дыхание после и осматривая разрушения, которые он учинил.
A voice rang out, crystal clear and calm.	Раздался голос, кристально чистый и спокойный.
"What have you done?"	— Что ты наделал?
Fidel turned around: Hua Cheng was at the door, holding the Bible in one hand. 'To give it back,' Fidel realized. When Hua Cheng walked away just a few minutes ago, he had taken it with him.	Фидель обернулся. Хуа Чэн стоял в дверях с Библией в руках. «Он хотел вернуть её», — понял Фидель. Уходя, Хуа Чэн забрал её с собой.
Hua Cheng stepped inside carefully, not stepping over anything on the floor. He seemed terribly pale, more so than usual; his dark eye took the whole picture in.	Хуа Чэн осторожно вошёл, стараясь ни на что не наступить. Он казался ужасно бледным, бледнее обычного; его взгляд скользил по комнате, оценивая разрушение.
When Hua Cheng saw the broken pieces of the statue his eye went wide and Fidel blacked out.	Когда Хуа Чэн увидел осколки, глаз широко распахнулся, и Фидель потерял сознание.
...	<center>***</center>

Fidel came to himself sitting in a chair; his hands were tied behind him, as were his feet.	Когда Фидель пришел в себя, он сидел на стуле, связанный по рукам и ногам.
He opened his eyes and found himself with a clear view of Hua Cheng reassembling the altar he'd just knocked down. The floor had been swept but the wood was still tinted from the flowers. Hua Cheng's hands were exceedingly gentle as he folded the cloth and picked up dishes and cups.	Он открыл глаза и увидел Хуа Чэна. Тот собирал только что поверженный алтарь. Пол уже был чист, хоть его всё равно усыпали оставшиеся лепестки. И теперь Хуа Чэн с невероятной заботой складывал ткань и собирал тарелки с чашками.
When he saw Fidel was awake, he reached him quickly with wide strides.	Увидев, что Фидель очнулся, Хуа Чэн подошёл к нему в несколько широких шагов.
"You just couldn't leave it alone, could you?" He hissed; his beautiful red mouth dripped venom. Fidel shook from head to toe, gone was the sweet youth who carried rice and flowers: he had been replaced with a demon.	— Ты не мог просто оставить всё как есть, да? — прошипел он. Его красивые алые губы источали яд. Фидель содрогнулся: исчез милый юноша, носивший цветы и рис, и его сменил демон.
Hua Cheng looked put out: his hair was up in a messy bun held up by a wooden rod, his hands were dirty with dust and his fingertips were tinted from the wine he must have wiped away on his knees if the cloth above them was any indication.	Хуа Чэн казался совершенно подавленным. Его волосы были собраны в беспорядочный пучок, удерживаемый деревянной шпилькой, руки перепачкались в пыли, а кончики пальцев окрасило вино, которое он, судя по всему, вытирал, стоя на коленях.
He looked upset. Angry. Wild.	Он выглядел рассерженным. Злым. Безудержным.
"You must understand," Fidel still pleaded. "You are not in your right mind, you are—"	— Ты должен понять, — всё же взмолился Фидель. — Ты не в здравом уме, ты...
"It is you who isn't thinking," Hua Cheng grabbed him by the clothes on his chest, pulling him violently close to his own face. "Your brothers were wise enough to leave us alone, but you just had to meddle, and now you've made the biggest mistake of your miserable	— Это ты не соображаешь, — Хуа Чэн схватил его за грудки и яростно дёрнул к себе. — Твоим братьям хватило мудрости оставить нас в покое, но тебе непременно понадобилось полезть не в своё дело, и вот ты совершил самую большую

existence.”	ошибку в своем жалком существовании.
Hua Cheng let go of him and he slammed back into place.	Хуа Чэн отпустил его и швырнул на место.
“You Europeans are funny little things, all of you. All the cultivators know who I am, know what I do, and yet you come and disrespect His Highness’ shrine, you tear it down like it is your right-“	— Вы, европейцы, такие забавные создания. Все заклинатели знают, кто я такой и чем занимаюсь, а вы приходите без уважения к святилищу Его Высочества, разносите его, будто имеете на это право...
“Who you are?” Fidel interrupted, his mind barely catching up with what he was being told.	— Кто ты такой? — перебил его Фидель, едва успевая понять, что ему говорят.
Hua Cheng chuckled, and the sound was terribly dark and completely terrifying. Hua Cheng had never looked less human than this.	Хуа Чэн фыркнул, и его смех звучал ужасно мрачно и абсолютно устрашающе. В Хуа Чэне не могло быть меньше человеческого, чем сейчас.
He towered above Fidel as he answered.	Он возвышался над Фиделем.
“I am the Ghost King Hua Cheng, I am the Devastation Blood Rain Seeking Flower, and, unfortunately for you, I am His Highness’ most devoted follower. I have brought down the Heaven to its knees, I destroyed thirty-three gods, I have raised three thousand lanterns, I have returned from the dead over and over for my god!”	— Я Хуа Чэн, князь демонов, я Непревзойдённый Собиратель цветов под кровавым дождём, и, к несчастью для тебя, самый преданный верующий Его Высочества. Я поставил на колени Небеса, я низверг тридцать трёх богов, я осветил небо тысячей фонарей, я возвращался из мёртвых вновь и вновь ради своего Бога!
Fidel was frozen in his spot. Skeptic as he was of the Chinese’s mythos and beliefs, he couldn’t doubt Hua Cheng’s words. He barely understood him, what was a devastation? Who was His Highness? What thirty-three gods? And yet he knew now what he couldn’t have understood yesterday: he had destroyed something precious and it had been a fatal mistake.	Фидель застыл. Как бы скептически он не относился к китайским мифам и верованиям, он не мог сомневаться в словах Хуа Чэна. Он едва понимал его, что за «непревзойдённый»? Что за Его Высочество? И тридцать три бога? И всё же теперь он знал то, чего не мог понять вчера: он уничтожил нечто важное, и это стало роковой ошибкой.

“I have killed greater creatures for less grave offenses than yours, and you will pay for the disrespect-“	— Я убивал существ, во всем превосходящих тебя, за меньшеЕ, и ты заплатишь за неуважение...
A child’s voice rang from the road.	Детский голос донёлся с улицы:
“Xie-gege is back!”	— Се-гэгэ вернулся!
In the blink of an eye Hua Cheng’s whole demeanor changed, the tension in the room faded as he rushed to the door with the biggest smile Fidel had ever seen on his face. The red-clothed man rushed to the door.	В мгновение ока Хуа Чэна преобразился, и напряжение в комнате спало, стоило ему броситься к двери с самой широкой улыбкой, которую Фидель когда-либо видел на его лице.
“Gege! Gege, you’re back!”	— Гэгэ! Гэгэ, ты вернулся!
“San Lang!” Another man’s voice answered. “I’m home!”	— Саньлан! — ответил ему другой голос. — Я дома!
The mysterious person walked in and Fidel felt fear for him. He was a youth, not even above twenty, he was sure; sweet doe eyes and a gentleness to his movement as he greeted Hua Cheng at the door.	Таинственный человек вошел, и Фиделю стало за него страшно. Он был молод, никак не старше двадцати. Он двигался мягко и плавно и, приветствуя Хуа Чэна, смотрел на него ласковым взглядом.
They began talking animatedly, and to Fidel’s horror and surprised, the young man in white leaned into Hua Cheng’s chest and was promptly kissed.	Они оживленно заговорили, и, к ужасу и удивлению Фиделя, юноша в белом прильнул к груди Хуа Чэна и тут же был утянут в поцелуй.
Fidel gasped. The child had been roped in into sin by the pagan demon! Fidel had maintained himself above the seductions of the creature but someone as young and naïve as this one could not. His soul wept for the child!	Фидель ахнул. Языческий демон вовлёл дитя во грех! Фидель смог устоять перед искушением, но этот человек, юный и наивный, — нет. Душа Фиделя рыдала о нём!
The white-robed child walked inside and stopped as he looked into Fidel’s eyes.	Дитя в белом ступило внутрь и остановилось, поймав взгляд Фиделя.

“Run!” He hoped the young man would heed his words: he was too young to perish as Fidel would. He prayed to God to protect this child from the devil that was Hua Cheng. “Save yourself!”	— Беги! Он надеялся, что юноша прислушается к его словам. Тот был слишком юн, чтобы погибнуть вместе с Фиделем. Он молил Господа защитить это дитя от дьявола, коим оказался Хуа Чэн. — Спасайся!
The teen blinked.	Тот моргнул.
“San Lang?”	— Саньлан?
“Do not worry, gege, this is just some trash I have yet to take out.”	— Не волнуйся, гэгэ, я просто не успел вынести мусор.
‘Gege?’, Fidel wondered. Why would a powerful devil defer like this to a child? Unless Hua Cheng was lying to him as he was to everyone else about his goodness and helpfulness...	«Гэгэ?» Почему могущественный демон так обращался к этому дитя? Если только Хуа Чэн не лгал ему, как и всем остальным, о своей доброте и услужливости...
“Young man,” Fidel spoke in a rush. “Run and hide, this man is but a demon! He is insane! Not even human! Get away from him!”	— Юноша, — торопливо заговорил Фидель. — Беги и прячься, он демон! Он безумен! Это даже не человек! Спасайся!
“I know he is not human,” the child smiled, and it was a genuine gesture. He turned to the devil. “San Lang, what happened? Did he threaten you?”	— Я знаю, что он не человек, — улыбнулось дитя, и улыбка эта была искренней. Он повернулся к демону: — Саньлан, в чём дело? Он тебе угрожал?
‘Threaten a monster?’	Угрожал чудовищу?
“This San Lang is flattered gege thinks of his safety, but I am alright.” The red demon preened under the young man’s careful stare. “The Jesuit, on the other hand...”	— Я польщён, что гэгэ думает о моей безопасности, но я в порядке. — Под пристальным взглядом молодого человека демон в красном оскалился: — Иезуит же, напротив...
The child gave him a look, like a mother, would to an especially unruly child, and Hua Cheng laughed.	Юноша посмотрел на него словно мать на непослушное дитя, и Хуа Чэн рассмеялся.

“He thought it’d be alright to disrupt His Highness’ shrine.”	— Он решил, что неплохо было бы разрушить святилище Его Высочества.
The youth made an ‘o’ with his pretty pink mouth and muttered an ‘I see’ as he leaned into the shrine room to assess the “disruption”.	Увидев разоренное святилище, юноша округлил изящно очерченный рот и пробормотал: "Понятно".
Surprisingly, he smiled.	Удивительно, но он улыбнулся.
“Oh, it’s not so bad! The table is still standing! I see San Lang has already started cleaning up! Let the Jesuit go and let’s finish, alright?” He reached out and placed a pale hand on Hua Cheng’s red-clothed bicep, smiling sweetly at him. Fidel watched with wide eyes as the devil seemed to melt under the touch.	— Ну, всё не так плохо! Жертвенник уцелел. Я смотрю, ты уже начал прибираться. Отпусти иезуита, и закончим, хорошо? Он протянул руку и с нежной улыбкой положил бледную ладонь на обтянутое красной тканью плечо Хуа Чэна. Фидель широко раскрытыми глазами наблюдал, как дьявол будто тает под прикосновением.
“If you say so, gege.” Hua Cheng started walking away. “I’ll get the broom.” He disappeared into the next room.	— Как скажешь, гэгэ, — Хуа Чэн пошёл прочь. — Я принесу метлу. Он исчез в соседней комнате.
The white-dressed man watched the demon walk away before walking up to Fidel and showing him his empty palms.	Юноша в белом смотрел, как демон уходит, а затем подошёл к Фиделю и показал ему пустые ладони.
“I will untie you now.” He said and kneeled to begin with Fidel’s feet. “Are you enjoying your stay in China?” He asked, making polite conversation as if they had met in the market and not in a dangerous kidnapping.	— Сейчас я тебя развяжу, — сказал он и опустился на колени, начиная с ног Фиделя. — Как тебе Китай? — спросил он, будто они встретились на рынке, а не в столь опасной ситуации.
“You are in danger.” He whispered.	— Ты в опасности, — прошептал он.

“San Lang would never hurt me.” The man said as he finished one foot.	— Саньлан никогда не причинит мне вреда, — ответил тот, заканчивая с одной ногой.
“He is insane, he has this weird little cult— You must run away before he drags you too.”	— Он безумен, этот его странный культ... Беги, пока он не втянул и тебя.
“I’m ashamed to say I dragged him into it,” The youth chuckled, and the devil’s voice carried from far away.	— Стыдно признаться, но это я его втянул, — прыснул юноша, и тут издалека донёлся голос дьявола:
“I wasn’t dragged into anything, gege, I volunteered, and I would do so again.”	— Меня ни во что не втягивали, гэгэ. Я вызвался сам и сделал бы это ещё раз.
Fidel shivered.	Фидель вздрогнул.
“You-“	— Ты...
“Don’t worry about it,” the man moved on to his back and Fidel took the chance to stretch his legs, getting ready to run. “It is all alright, now. Just... Don’t destroy the shrine, I suppose?” The child smiled at him as he helped him stand up.	— Не беспокойся, — юноша оказался у него за спиной, и Фидель воспользовался возможностью размять ноги, готовясь бежать. — Теперь всё в порядке. Просто... наверное, не надо разрушать святилище? — дитя улыбнулось ему, помогая подняться.
Like this, Fidel could see the teen more clearly. He was very... small, he could say. Fine, elegant features wrapped up in a friendly stance. His touch was exceedingly gentle but steady, nonetheless, as he wrapped his fingers around the crook of his arms to lead him.	Теперь Фидель смог рассмотреть его получше. Он был очень... можно сказать, маленьким. У него были тонкие и изящные черты лица, на которых было написано дружелюбие. Чрезвычайно мягко, но, тем не менее, уверенно он обхватил Фиделя за руку и повёл прочь.
“It’s alright,” the youth repeated. “I’ll walk you to the door.” He accompanied him to the front entrance, and as they passed, Fidel stole a glance at the mess he’d made.	— Всё в порядке, — повторил юноша. — Я провожу тебя до двери. Он дошёл с ним до выхода, и по пути Фидель украдкой глянул на беспорядок, который устроил.

The flowers were, as he had presumed, gone, but the dishes, the ones that weren't broken, were on top of the table. Next to those, set carefully over a cloth where the statue's remains.	Цветы, как он и предполагал, исчезли, но тарелки, те, что уцелели, лежали на столе. Рядом с ними на ткани были аккуратно собраны остатки статуи.
Funny enough, the head stayed almost unscathed: the fall had only chipped away the fine pieces of the head's hairpiece; you could still see the god's beautiful face clearly. The gentle look remained, as did the sweet smile, the fine nose, the roundness of youth in his cheeks...	Забавно, что голова статуи осталась почти невредимой: при падении откололись лишь мелкие кусочки головного убора, и отсюда отлично было видно прекрасное лицо божества. Остался нежный взгляд и мягкая улыбка, изящный нос, юношеская округлость щёк...
Fidel stopped dead on his track, also stopping the young man with him.	Фидель остановился как вкопанный.
"Is something wrong?"	— Что-то не так?
Fidel couldn't talk, he just stared at the statue. The white-robed teen looked in the same direction as him and sighed.	Фидель не мог выговорить ни слова, его взгляд был прикован к статуе. Дитя в белом посмотрело в ту же сторону и вздохнуло.
"It is a shame," he said. "San Lang worked very hard on that one..." Fidel turned his head to the teen slowly, fearfully.	— Жаль, — сказал он. — Саньлан над ней столько работал... Фидель медленно, с опаской, повернул голову к подростку.
He had been right.	Он был прав.
The statue and the youth... They had the same face.	Статуя и юноша... У них было одно и то же лицо.
The young man seemed to realize he had realized and gave him a bashful smile.	Юноша, очевидно, понял, что он догадался, и скромно улыбнулся.
"Ah, I had hoped you wouldn't notice..."	— Ох, я надеялся, что ты не заметишь...
Hua Cheng appeared in front of them, looking still as fearsome with a broom in hand.	Хуа Чэн появился перед ними, устрашающий даже с метлой в руках.
"Gege, just throw him out," he huffed.	— Гэгэ, просто вышвырни его — и всё, — фыркнул он.

"You are..." Fidel whispered. "You..."	— Ты... — прошептал Фидель. — Ты...
His mind raced. Was Hua Cheng just insane? Chose a teen lover and made him his god? Or he just chose the teen lover because he looked like his god? Or made the statue mimicking the youth's face as flattery?	Мысли лихорадочно замесались. Был ли Хуа Чэн просто безумцем? Взял себе в любовники отрока и сделал его своим богом? Или выбрал подростка из-за того, что тот похож на его бога? Или, чтобы польстить, создал статую с его лицом?
He gulped when Hua Cheng's eyes went on him again.	Он сглотнул, когда взгляд Хуа Чэна вновь остановился на нем.
"You should be more respectful to His Highness," he told him. "You can't just speak so casually to him, show some face."	— К Его Высочеству следует относиться с большим уважением, — сказал он Фиделю. — С ним нельзя болтать просто так, постыдись.
The youth laughed.	Юноша рассмеялся.
"What face? San Lang, ah, you know I don't care." The child patted Fidel's arm cheerfully. "It is fine, you need not worry."	— Какой стыд? Саньлан, ну ты же знаешь, что мне всё равно. Юноша весело похлопал Фиделя по руке. — Все в порядке, не волнуйся.
But Hua Cheng kept going.	Но Хуа Чэн не отступал.
"You should pay your respects to His Highness."	— Ты должен относиться к Его Высочеству с уважением.
"San Lang, ah..." The youth covered his face with his hand. "It's not a big deal..." He mumbled.	— Саньлан, ох... — Юноша закрыл лицо рукой. — Это всё такая ерунда... — пробормотал он.
Fidel spoke directly to Hua Cheng, the surprise making him forget all fear.	Фидель обратился к Хуа Чэну, удивление заставило его забыть о страхе.
"You're saying... This child... Is that god?"	— Ты хочешь сказать... Это дитя... и есть бог?
"Yes."	— Да.
Fidel could actually feel the last of his care leave him.	Фидель почувствовал, как его покидают последние остатки

	сострадания к этим людям.
These two...	Эти двое...
They were crazy. That was all.	Они были сумасшедшими. Вот и всё.
He'd been lied to, kidnapped, scared shitless, and now this?	Ему солгали, его похитили, напугали до смерти, а теперь это?
This, this, this... This ridiculous belief!	Эти, эти, эти... Эти нелепые верования!
That was it! He'd have nothing to do in China anymore!	Довольно! С него хватит этого Китая!
He yanked his arm away from "His Highness" and said:	Он отдернул руку от "Его Высочества" и сказал:
"You, child, Your Majesty, or whoever you are," Hua Cheng frowned, "I thank you for saving me from this psychopath, I'll be taking my leave," Fidel gave him a half-assed bow that was surely terribly disrespectful but he didn't care anymore. Everyone had told him time and time again that China was too far away, too different, but he had not listened.	— Ты, дитя, Ваше Величество, или кем бы ты ни был. — Хуа Чэн нахмурился. — Благодарю за спасение от этого безумца, но теперь я ухожу, — Фидель отвесил ему лёгкий и без сомнения крайне неуважительный поклон, но ему было уже всё равно. Все раз за разом повторяли ему, что Китай слишком далёк, слишком отличается от Европы, но он не слушал.
"You," he turned to Hua Cheng, "would be an exemplary Christian if you were not a cut-sleeved, child-molesting heathen."	— Ты, — он повернулся к Хуа Чэну, — был бы образцовым христианином, не будь обрезанным рукавом и язычником, растлевающим детей.
Hua Cheng blinked and turned to see the child he was standing next to; he made an 'oh' noise.	Хуа Чэн моргнул и повернулся к отроку, и тихо охнул.
"He's older than I am." He told Fidel in all seriousness.	— Он старше меня, — сказал он Фиделю со всей серьёзностью.
Fidel threw his hands in the sky and laughed hysterically.	Фидель воздел руки к небу и истерически расхохотался.
"I give up. There's nothing to be done here. These people will not be saved, not by my hand, not by Jesus' hands themselves...."	— Я сдаюсь. Здесь уже ничего не исправить. Этих людей не спасти ни моей рукой, ни руками самого Иисуса...

He stomped away from the house, wondering how he was going to explain the whole situation to his elders.	Он зашагал прочь от дома, задаваясь вопросом, как будет объясняться перед наставниками.
...	<center>***</center>
San Lang and Xie Lian watched the Jesuit disappear into town.	Саньлан с Се Лянем смотрели, как иезуит пропадает из вида.
"At least he's gone." San Lang said and Xie Lian smacked his arm softly and playfully.	— По крайней мере, он ушел, — сказал Саньлан, и Се Лянь легонько шлепнул его по руке.
"I leave for a week and you kidnap a Jesuit, San Lang, what am I to do with you? Won't you make friends?"	— Стоило мне уехать на неделю, и ты похищаешь иезуита, Саньлан. И что мне с тобой делать? Разве вы не подружились?
San Lang made a scandalized face.	Саньлан с возмущением посмотрел на него.
"He believed gege to be nothing more than a fake! How can I be friends with someone like him?"	— Он считает, что гэгэ — фальшивка! Как я могу подружиться с таким человеком?
Xie Lian shook his head but let the subject go.	Се Лянь покачал головой, но не стал настаивать.
"I wonder if he will return for his book..."	— Интересно, он вернется за книгой?..
"Probably won't." Hua Cheng shrugged. "Does His Highness want to hear more stories from it?"	— Скорее всего нет, — Хуа Чэн пожал плечами. — Его Высочество желает послушать ещё?
"Oh, there's more?" Xie Lian straightened up excitedly. San Lang nodded, and they walked inside to enjoy their time together.	— О, там есть ещё? — Се Лянь с воодушевлением поднялся на ноги. Саньлан кивнул, и они вошли внутрь, чтобы насладиться обществом друг друга.
And if the religious poetry gave way to more physical poetry, it was no	И если поэзия религиозная сменилась поэзией тел, то это не

one's business but their own.	касалось никого, кроме них.
-------------------------------	-----------------------------